Часть I

Смысловое многообразие понятия «мобильность» и виды мобильности

УДК 39:351/352

DOI 10.17506/articles.mobility.2018.1027

Арпентьева Мариям Равильевна,
доктор психологических наук, доцент,
член-корреспондент РАН,
профессор кафедры психологии развития и образования,
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
г. Калуга,
E-mail: mariam_rav@mail.ru

Горелова Ирина Валерьевна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры учёта, анализа и аудита,
Волгоградский институт управления - филиал РАНХиГС,
г. Волгоград,
E-mail: tonechka0606@yandex.ru

Киричкова Маргарита Егоровна,
аспирант кафедры социальной и организационной психологии,
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
г. Калуга,
генеральный директор Центра профессиональных коммуникаций,
г. Москва,
E-mail: margaritak05@mail.ru

Брайцева Светлана Владимировна,
магистрант кафедры социальной педагогики
и организации работы с молодежью,
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
г. Калуга,
E-mail: mariam_rav@mail.ru

Век мобильности: проблема насильственных и ненасильственных типов межкультурных отношений

Статья посвящена исследованию проблем межкультурных отношений, в том числе в контексте ограничения государ-

ственной «монополии» принимать жизненно важные для людей и наций решения за них и вместо них, опираясь лишь на собственные интересы и пропагандируя насилие как единственную форму отношений людей. При этом обращено внимание на то, что на пороге третьей мировой войны страны и сообщества ищут ненасильственные или наименее разрушительные способы выживания и взаимоотношений. К ним относится и «мягкая сила» (soft power) миграций. Миграционные процессы с конца XX века все набирают интенсивность и разнообразие, вместе с ними умножаются и теории миграций, и типы межкультурных отношений. При этом разные типы отношений описываются различными теориями миграций. Сделан вывод о том, что можно выделить ряд более или менее пересекающихся и более или менее ненасильственных типов межкультурных отношений. Построена типология ненасильственных и насильственных мультикультурных отношений. В качестве оснований типологии выделены линия культурных «трансгеографических» ориентаций и линия модернизации и слияния культур и производства. Отмечается, что важно дать возможность сообществам договариваться внутри самих себя и между собой напрямую, не применяя насильственных мер и используя политику поддержки транскультурализма: притяия и согласования всех возможных и вероятных вариантов бытия. По линии культурных «трансгеографических» ориентаций выделены такие типы отношений, как вестернизация или колонизация (европеизация и американизация), овосточивание культур, существование и формирование «третьих культур» и взаимодействие с ними; по линии модернизации и слияния культур и производства – модернизация, глобализация как мондиализация, и креолизация / транскультурализация.

Ключевые слова:

вестернизация, колонизация, европеизация, американизация, овосточивание культур, третьи культуры, модернизация, глобализация, мондиализация, креолизация, транскультурализация.

Введение. Современный век (age of mobility) – век роста процессов и усиления значения результатов мобильности. На пороге третьей мировой войны страны и сообщества ищут ненасильственные или наименее разрушительные способы выживания и взаимоотношений. К ним относится и «мягкая

сила» (soft power) миграций. Концепция мягкой мощи или мягкой силы как способности воздействовать на других через такие средства, как установление повестки, убеждение и привлекательность с целью достижения предпочитаемых результатов» разработана Дж. Наем [Nye, 1990; Nye, 2011, p. 21]. Дж. Най описывает три аспекта управления или власти, проявляющиеся в отношениях ее субъектов или «лицами» власти: инициирование перемен, контроль над повестками дня и возможность установления приоритетов [Nye, 2011, p. 10–11]. Первый – способность, готовность изменять поведение контрагента – является характеристикой твердой мощи. Второй – возможность и готовность оказать влияние на изменение чужих приоритетов – частично содержит компоненты «мягкой мощи». Третий – возможность и готовность создавать и придавать форму базовым ценностям и предпочтениям контрагента – также реализуется с помощью «мягкой мощи» [Nye, 2011, p. 10–16]. Для ее реализации Дж. Най выделяет структурное и агентское измерения власти: применение публичной дипломатии, структурные воздействия собственного примера или эффекта «сияющего града на холме» [Nye, 2011, p. 17]. Все эти аспекты хорошо демонстрируют процессы и результаты миграции и управления миграциями, а также иными формами социальной мобильности. Социальная мобильность – это передвижение отдельных лиц, семей и домашних хозяйств, наций или других категорий людей внутри или между социальными слоями или уровнями общества в открытой системе социальной стратификации. Она предполагает, так или иначе, изменение социального статуса перемещающейся группы по отношению к текущему социальному местоположению в новом обществе. Социальная мобильность в закрытых сообществах ничтожно мала: иерархии прочно закреплены. Открытые системы стратификации предполагают возможность изменений статусных характеристик людей и групп в сообществе. Движение может осуществляться как в нисходящем, так и восходящем направлениях. Абсолютная социальная мобильность свойственна людям, которые попадают в другой слой социальной стратификации, чем у их родителей. Относительная социальная мобильность характеризует различные вероятности достижения определенного статусного результата независимо от структурных изменений в сообществе; общество может обладать высокой абсолютной мобильностью и низкой относительной мобильностью. Доступность хотя бы незначительной социальной мобильности может иметь большое значение для

обеспечения равенства в сообществах с высоким социальным неравенством. Мобильность чаще всего количественно измеряется с точки зрения изменения экономического статуса, изменений в доходе или богатстве. Профессия – еще одна мерка, используемая при исследовании мобильности, которая обычно предполагает как количественный, так и качественный анализ данных. Мобильность может быть передаваемой в пределах одного поколения или между поколениями, между одним или несколькими поколениями.

Социальная мобильность сильно зависит от общей структуры социальных статусов и занятий в данном обществе. Степень различий в социальных позициях и способ их совмещения или совпадения формирует общую социальную структуру таких позиций. Эта система далеко не проста. Одни и те же переменные, которые вносят вклад как промежуточные переменные в оценку дохода или богатства, также влияют на социально-политический статус или власть, принадлежность к социальному классу или престиж и т. д. Так формируется социальное неравенство, большой вклад в которое вносит низкая социальная мобильность.

Пол, возраст, национальная принадлежность, обеспеченность, образование, профессия, религиозные верования влияют на статус человека, возможности его изменения. Образование связано с большими перспективами социальной мобильности, во многом независимо от стартового социального положения в общей структуре общества. Однако стратификация и, в том числе, экономическое неравенство, напрямую влияют на образовательные возможности, которые люди могут получить, чтобы добиться успеха, то есть на шансы повышения социальной мобильности. При этом разрывы в богатстве власти между богатыми и бедными, правящим и подчинённым классом продолжают увеличиваться по мере того, как богатые становятся богаче, люди среднего класса становятся беднее, а бедные переходят к обнищанию. По мере того как социально-экономическое неравенство продолжает увеличиваться, пребывание на обоих концах спектра фиксируется, снижая возможности социальной мобильности. Это связано и со стилем воспитания в семье бедных, известным как «достижение естественного роста» (*accomplishment of natural growth*), который отличается от стиля родителей среднего класса и высшего класса, известным как «культурное культивирование» (*cultural cultivation*). Таким образом, шансы на социальную мобильность, в первую оче-

редь, определяются семьей, в которой рождается ребенок, а затем его родом и этносом. Эти различные аспекты социальной мобильности можно классифицировать в терминах различных типов капитала, которые способствуют изменениям мобильности. П. Бурдье описал три типа капитала, которые помещают человека в определенную социальную категорию: экономический капитал, социальный капитал и культурный капитал. Экономический капитал включает экономические ресурсы, такие как наличные денежные средства, кредиты и другие материальные ценности. Социальный капитал включает ресурсы, которые можно получить на основе членства в группах, сетей влияния, отношений и поддержки со стороны других людей. Культурный капитал – это любое преимущество человека, которое дает ему более высокий статус в обществе, например, образование, навыки или любую другую форму знания. Обычно люди со всеми тремя типами капитала имеют высокий статус в обществе. Более низко расположенные социальные классы больше ориентируются на факты и жизненные потребности, а не на ценности и цели. Он также обнаружил, что окружающая среда, в которой человек развивается, оказывает большое влияние на культурные ресурсы, которые человек будет иметь [Borup, 2004]. Выделяют также человеческий капитал, который относится к умениям и знаниям, способностям и чертам, которыми обладают конкретные люди. Однако передача этих капиталов связана с «наследием» эйджизма и сексизма, абилитизма и расизма, иных форм дискриминации.

В целом, однако, хотя и общепризнанно, что желателен некоторый уровень мобильности в сообществе, консенсусного соглашения о том, насколько социальная мобильность является «хорошей» или «плохой» для конкретных сообществ нет. Не существует и международного «критерия» социальной мобильности, хотя можно сравнить размеры мобильности по регионам и периодам, по странам или в пределах определенной группы.

Интересен феномен кривой «Великого Гэтсби» (Great Gatsby Curve) [Krueger, 2012, p. 18]: доходы родителей полностью определяют будущие доходы их детей. Есть связь между высоким социальным неравенством и низкой социальной мобильностью. Так, четыре страны с самой низкой «эластичностью доходов между поколениями», то есть с самой высокой социальной мобильностью, были Данией, Норвегией, Финляндией и Канадой [Wilkinson, Pickett, 2009; Corak, 2006]. Исследования обнаружили «явное отрицательное отношение»

между неравенством доходов и мобильностью между поколениями. Страны с низким уровнем неравенства, такие как Дания, Норвегия и Финляндия, имели самую большую мобильность, в то время как две страны с высоким уровнем неравенства – Чили и Бразилия – имели самую низкую мобильность [Kueger, 2012; Mitnik, Cumerworth, Grusky, 2016].

Современные исследователи, работающие в сфере межкультурных отношений («коммуникаций») активно выстраивают интегративные модели и метамоделю оптимизации взаимоотношений сообществ и людей разных этнических, национальных, религиозных и других групп. Необходимость таких моделей и мета-моделей связана с тем, что современный век (*age of mobility, world restructurization, globalization, ethnical and nomadical renaissances, evolution, co-evolution and involution*) – век интеграции и дезинтеграции, глобализации и этнического реванша, повышенной мобильности, эволюционных переворотов и противостояний, а также реакционных, дисгенических и инволюционных деформаций, век отрицающих границы, цифрового и традиционного номадизма и век жестоких сражений стран и народов за постоянство границ. На пороге третьей мировой войны страны и сообщества ищут ненасильственные и/или максимально неразрушительные способы выживания и построения взаимоотношений. К ним относится и «мягкая сила» (*soft power*) миграций, и многочисленные мультикультурные программы и проекты со столь разными названиями, что не специалисту порой даже трудно представить, насколько богата феноменология современной теории и практики мультикультурных отношений («коммуникаций»). Программы мультикультурного типа и миграционные процессы с середины и, особенно, с конца XX века все набирают интенсивность и разнообразие, вместе с ними умножаются и теории мультикультурных сообществ, типов культурных обменов / заимствований и типов миграций. Современные модели мультикультурных отношений становятся все более сложными и запутанными. Необходимость упорядочивания огромного количества понятий, теорий и подходов все более очевидна. Применяя модель развития межкультурной чувствительности (*Developmental Model of Intercultural Sensitivity; DMIS*) к формированию не межличностных, а межнациональных межкультурных компетенций, можно описать процессы и результаты поступательного и «возвратного» освоения одной культурой ценностей моделей поведения, языка и представлений, бытующих в рамках другой культуры [Bennett,

1986]. Согласно М. Беннетту, освоение чужой культуры проходит ряд стадий. Первоначально существование или значимость культурных различий обычно не осознается индивидуальным или групповым субъектом [Bennett, 1986]. Затем начинает увеличиваться межкультурная чувствительность, а культура другого этноса, группы начинает осмысляться как один из возможных взглядов на мир. В ходе роста чувствительности субъект полностью осознает и признает существование культурных отличий. Он начинает рассматривать их как компонент собственной идентичности. В итоге возникает новая личность или новая группа, новая культура: сознательно и избирательно интегрирующая в себе элементы различных культур [Bennett, 1986]. Одна из ранних моделей межкультурных отношений – модель культурной диффузии. Антропогеографическая школа Ф. Ратцеля, школа «культурной морфологии» Ф.Г. Фробениуса, концепция «культурных кругов» Ф. Гребнера и «культурно-историческая» школа В. Шмидта, диффузионистские идеи У.Х. Риверса, Г. Эллиота-Смита и У. Дж. Перри – все они стремились описать историю человечества в понятиях контактов и диффузий, столкновений, заимствований и переносов элементов культур, отвергая идеи прогресса и эволюции в целом. По их мнению культура распространилась из одного центра (на который претендуют внеземные цивилизации Созвездия Малого Пса, Ориона, Нибиру, Марса, земные протоцивилизации и государства Лемурия, Гибборрея, Шумер, Египет и т.д.) на весь мир (монистическая модель). Другой подход – эволюционизм и плюралистическая модель (Ф. Клемм, Э. Тейлор, Г. Спенсер, Л. Морган, Дж. Фрейзер, Джон Ф. Мак-Леннан, Дж. Лаббок): он отмечает сходство и/или тождество национально-исторических путей разных этносов и народностей, рассматривая историю как сумму независимых эволюций отдельных элементов культуры и социальных отношений. Интересные подходы даны в школах и исследованиях А.Т. Фоменко, В. Хлебникова, Н. Кондратьева и П. Сорокина, А. Тойнби, О. Шпенглера, многих других мыслителей: это теории циклического повторения истории («исторический циклизм») и «наложений» разных исторических пластов друг на друга. Теориям цикличности противостоят теории модернизации (Г. Гегель и др.), которые в итоге сходятся в «спиральных» теориях эволюции человечества.

На индивидуальном и групповом уровнях также описан целый ряд процессов, в том числе инкультурация и энкультурация, аккультурация, ассимиляция (Дж. Берри, Р. Билз, Р. Лин-

тон, Р. Редфилд, Р. Турнвальд, и М. Херсковиц), отражающих свободное или направленное взаимодействие культур, в том числе на примере отдельных регионов (Дж. Фостер, Дж. Фелан и др.) [Redfield, Linton, Herskovits, 1936]. Культурные заимствования при этом рассматриваются как отрицательное (ассимиляции и апроприации как заимствования в «колониальной манере», без учета мнения о результате заимствования со стороны культуры-донора) или положительное явление (культурное заимствование как условие повышения качества жизни перенимающей стороны, ее адаптации к изменившимся обстоятельствам жизнедеятельности), в том числе в зависимости от того, насколько равновесны обменивающиеся группы и насколько взаимодействующие культуры вовлечены или не вовлечены в исторический, этнический или расовый конфликт, противостояние. Апроприация как «колониальное заимствование» связано с тем, что фрагмент культуры, языка заимствуется, присваивается без учета сакральности и смысла заимствованного компонента культуры для ее носителей, происходит сведение заимствования к «экзотическому тренду», моде, меркантилизация и ненадлежащая культурная интерпретация и т.д. Однако есть и иной, противоположный эффект: эффект пиццы или пицца-эффект (pizza effect) Л. Фишера (А. Бхарати) – составляющие культуры каких-либо наций или народа, оказавшись в иной этнокультурной или социально-экономической среде, переживают трансформацию; затем они возвращаются в материнскую культуру, становясь гораздо более важными для нее [Bharati, 1970; Bharati, 1980]. То есть «осваивающая культура» повышает ценность фрагмента «материнской культуры» и влияет на культурную самоидентификацию. Й. Боруп отметил наличие «перевёрнутого эффекта пиццы»: «присваивающая» культура трансформирует часть «материнской» культуры и наслаждается результатом трансформаций, полагая, что эти результаты принадлежат «материнской» культуре [Borup, 2004, p. 477]. Часто используется понятие Ф. Ортиса «транскulturация»: оно отражает стремление людей и этносов разрешать конфликты постепенно и по частям, не усугубляя их эскалацией [Ortiz, 1995]. В эпоху цифровой культуры, а также общей глобализации наблюдается рост проницаемости между культурами и увеличение более или менее массовых миграций, приводящие к «этноконвергенции», а также гомогенизации и культурным компромиссам [Aalto, Reuter, 2007; Thurnwald, 1932; Ziff, Rao, 1997].

Согласно Т.Ф. Кузнецовой и ряду иных исследователей, рассмотревших наиболее известные теории взаимодействия культур (Н.Я. Данилевского, А. Дж. Тойнби, П.А. Сорокина, С. Хантингтона), можно выделить ряд более или менее пересекающихся и более или менее ненасильственных типов межкультурных отношений [Апресян, 1995; Вшивцева, 2008; Кузнецова, 2003]:

1) по линии культурных «трансгеографических» ориентаций вестернизация или колонизация (европеизация и американизация), овосточивание культур, существование и формирование «третьих культур» и взаимодействие с ними;

2) по линии модернизации и слияния культур и производства – модернизация, глобализация как мондиализация, и креолизация/транскультурализация.

Все эти процессы взаимного влияния культур характеризуются определенным соотношением насилия и ненасилия [Кузнецова, 2003; Чэтфилд, Илюхина, 1993].

Дискуссия. Вестернизация как процесс выраженно насильственный, колониалистический, предполагает перенос элементов западной культуры в другую культуру, сопровождающийся подрывом традиционных основ последней («глокализация» как явление, сметающее иные культуры и распространяющее западные институты по всему миру по Э. Гидденсу; «пересадка» – перенесение культур с одного места на другое посредством колонизации; «прививка» – развитие новой культуры за счет основной в концепции Н.Я. Данилевского) [Albrow, 1997; Gallagher et al, 2014]. Овосточивание культур – влияние культур Востока на культуру Запада долгое время в XX веке было неагрессивным, в другие века – проникновение восточных культур шло вместе с завоеваниями, по мере успешности или неуспешности таковых. Такое взаимодействие представляется в целом ненасильственным, в силу незначительного масштаба и изменчивости влияния: проявляется в стилях моды, художественной культуры, в интересе к научным, образовательным взглядам и культурным доктринам и искусству незападных ученых, писателей, художников и т.д. Однако активные действия многих стран востока на мировой арене (Китай, Индия, Корея, Турция) и массовые миграции из стран цветных революций в начале нынешнего века и превратили «третьи» страны в конкурентов «первых», а «беженцев» – в захватчиков: наступил культурный реванш колониализма, в том числе связанный с привнесением ограничений и предписаний восточных культур

в жизнь европейских народов. Интересно также наличие «третьих культур» по М. Фезерстоуну – или культурных «мостов», культур-маргиналов, культур-эклектик (транскультур), «пограничных цивилизаций», которые нельзя отнести ни к западной, ни к восточной (российская, латиноамериканская, африканская культуры). Взаимодействие с ними выступает продуктивным смешением своего и чужого, в большей степени ненасильственным. Их существование в целом ненасильственно в отношении влияния на соседние и собственные народы и сообщества.

Модернизация – «вариант развития, совершенствования, накопления позитивных качественных изменений, которые связаны с ростом, накоплением количественных изменений (экономических, социальных, демографических, культурных и других)» как «благотворное воздействие более развитой цивилизации на менее развитую», при котором сохраняется самобытность последней (тип «почвенные удобрения») в теориях Н. Я. Данилевского; взаимодействие по типу «вызов» – «ответ», при котором одна из цивилизаций создает для другой ситуацию уязвимости, а другая способна превратить это негативное влияние в стимул (тип «столкновение цивилизаций-современниц») у А. Дж. Тойнби; тесное объединение разнородных, но находящихся в одном пространстве элементов культуры, связанных не только этим пространством (тип «косвенная ассоциация под воздействием общего внешнего фактора»), у П. А. Сорокина; преобладающее влияние одной цивилизации на другие, при сохранности исконно национальных ценностей и институтов (тип «взаимодействие и образование мультицивилизационных систем») у С. Хантингтона. Модернизация не насильственна: направлена не на разрушение, а на преобразование культур [Giddens, 1990; Hannerz, 1996]. Э. Гидденс рассматривает глобализацию как продолжение модернизации: современности (modernity) внутренне присуща глобализация: интенсификацию распространяющихся на весь мир социальных отношений, которые «связывают удаленные места (localities) таким образом, что локальные события формируются событиями, происходящими за много миль от них, и наоборот» [Bennett, 1986, p. 64]. Глобализация трактуется двойственно [Bennett, 1986; Hannerz, 1996]. Например, в духе «захламленного чердака» П. Сорокина или в духе максимальной смысловой (культурной) интеграции. Она также трактуется как мондиализация – принудительное объединение стран и формирование однополярного мира, в котором бесчинствуют государство с его правоохранительными ин-

ститутами и мальтузианская, компрадорская буржуазия (ТНК), занимающаяся системным геноцидом и отбором культур и наций, наращиванием систем управления сообществом и человеком, беспрепятственного и неограниченного вторжения в его жизнь (тотальное порабощение и насилие на всех уровнях жизни, формирование людей-слуг и людей-господ, сценарий «матрицы»). Р. Робертсон выявляет две направленности глобализации: 1) глобальная институционализация жизненного мира, организация повседневных локальных взаимодействий и социализации непосредственным воздействием макроструктур мирового порядка (экспансия «общечеловеческих ценностей» распространением стандартных символов, эстетических и поведенческих образцов глобальными сетями СМИ и ТНК; 2) локализация глобальности [Robertson, 1990, p. 15–17], тенденция становления глобального через локальное – через превращение взаимодействия с представителями иных государств и культур в рутинную практику, через включение в повседневную жизнь элементов инонациональных, «экзотических» локальных культур. Она не уменьшает разнообразие культур, но даже увеличивает его: возникает «глокализация» по Р. Робертсону. Глобализация может выступать как «транслокализация», она обуславливает и де-локализацию, и ре-локализацию: соотносительность и взаимопроникновение глобального и локального, сочетание тенденций к гомогенности и к гетерогенности. А. Аппадурай рассматривает глобализацию как детерриториализацию – утрату привязки социальных процессов к физическому пространству, становление транснациональных и диаспорных сфер публичной жизни людей, более или менее связанных с исходными территориально определенными публичными сферами соответствующих наций, но обладающих собственной и достаточно автономной динамикой [Appadurai, 1990, p. 301]. Креолизация или гибридизация – производство глобальных культур как «культурной смеси» (смешанные формы кооперации и развитие транслокальных культур) описана У. Ханнерцом, Дж. Фридманом и Я. Питерсом как один из основных процессов в глобализации. Развитие «глокальных» культур в условиях глобализации связано с тем, что они, будучи не привязаны ни к месту, ни ко времени, приходят к ре-локализации – в глобальных рамках по-новому открывают свои культурные особенности и/или настойчиво транслируют их через фундаменталистские движения и протесты. Это «смешанные времена сосуществования предсовременности, современности и постсовременности. «Крео-

лизация» У. Ханнерца особенно актуальна для мультикультурализма, предполагает культурное многообразие, базирующееся не на автономии культур, а на их связях: при «креолизации» речь идет не просто о «культурном плюрализме», а об «организованном культурном многообразии» [Bharati, 1980; Hannerz, 1996].

Заключение. Современный век (age of mobility) – век роста процессов и усиления значения результатов мобильности. На пороге третьей мировой войны страны и сообщества ищут ненасильственные или наименее разрушительные способы выживания и взаимоотношений. К ним относится и «мягкая сила» (soft power) миграций, отличная от жесткого государственного давления и военного противостояния. В работах различных, в том числе величайших, представителей культуры и науки встречается указание на необходимость постоянного ограничения государственной «монополии» принимать жизненно важные для людей решения за них и вместо них, опираясь лишь на собственные интересы и пропагандируя насилие как единственную форму отношений людей. Важно дать возможность сообществам и людям – их представителям договариваться внутри самих себя и между собой напрямую, не применяя насильственных мер и поддерживая политику транскультурализма: приятия и согласования всех возможных и вынужденных вариантов бытия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Апресян Р.Г. 1995. Политическая социология ненасилия Дж. Шарпа // Социальные конфликты: Экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. М. Вып. 8. С. 234–246.

Вшивцева Л.Н. 2008. Ненасилие в культуре современного российского общества: дисс. ... канд. филос. наук. Ставрополь: Ставроп. гос. ун-т. 158 с.

Кузнецова Т.Ф. 2003. Социокультурные взаимодействия и межкультурные коммуникации // Филос. науки. № 5. С. 129–135.

Цатурян С.А. 2015. Ненасильственная революция. От теории к практике: моногр. М.: Рос. ун-т дружбы народов. 280 с.

Чэтфилд Ч., Илюхина Р.М. (отв. ред.) 1993. Мир / Peace: Альтернативы войне от античности до конца Второй мировой войны: антология / отв. ред.: Ч. Чэтфилд, Р.М. Илюхина. М.: Наука. 349 с.

Aalto N., Reuter E. (Hrsg.). 2007. Aspects of Intercultural Dialogue. Theory. Research. Applications / Aalto N., Reuter E. (Hrsg.). Köln: Saxa. 380 p.

Albrow M. 1997. The global Age. Stanford: Stanford Univ. Press. 246 p.

Appadurai A. 1990. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity: A Theory Culture and Society. Special Issue / ed. by M. Featherstone. London: Sage. P. 395–410.

Bennett M.J. 1986. A developmental Approach to Training for Intercultural Sensitivity // Intercultural J. of Intercultural Relations. № 10 (2). P. 179–196.

Bharati A. 1970. The Hindu Renaissance and its Apologetic Patterns // J. of Asian Studies. Vol. 29, № 2. P. 267–287. DOI: 10.2307/2942625.

Bharati A. 1980. Indian Expatriates in North America and Neo-Hindu Movements // The Communication of Ideas / Yadava J.S., Vinayshil G. (eds.). New Dehli: Concept Publishing Company. P. 245–255.

Borup J. 2004. Zen and the Art of Inverting Orientalism: Religious Studies and Genealogical Networks // New Approches to the Study of Religion / Eds. P. Antes, A. W. Geertz, and R. R. Warne. Berlin: Verlag de Gruyter. Vol. 1: Regional, Critical, and Historical Approaches. P. 451–487.

Corak M. 2006. Do Poor Children Become Poor Adults? Lessons from a Cross Country Comparison of Generational Earnings Mobility // Dynamics of Inequality and Poverty / J. Creedy, G. Kalb. Amsterdam et al.: Elsevier. P. 143–188. (Research on Economic Inequality; № 13).

Corak M. 2016. Inequality from Generation to Generation: The United States in Comparison [Электронный ресурс] // Discussion Paper. Bonn, Germany: IZA. № 9929. May. 16 p. URL: <http://ftp.iza.org/dp9929.pdf> (дата обращения: 10.10.2018).

Gallaher C. et al. 2014. Key Concepts in Political Geography / C. Gallaher, C.T. Dahlman, M. Gilmartin, A. Mountz, P. Shirlow. Los-Angeles; London: Sage. 392 p.

Giddens A. 1990. The Consequences of Modernity. Stanford, CA: Stanford Univ. Press. 195 p.

Hannerz U. 1996. Transnational Connections. London: Routledge. 290 p.

Krueger A.B. 2012. The Rise and Consequences of Inequality in the United States [Электронный ресурс], Jan. 12 // Center

for American Progress. New York. 22 p. URL: <https://cdn.americanprogress.org/wp-content/uploads/events/2012/01/pdf/krueger.pdf> (дата обращения: 10.10.2018).

Mitnik P., Cumberworth E., Grusky D. 2016. Social Mobility in a High-Inequality Regime // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 663 (1). P. 140–184.

Nye J.S. 1990. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books. 307 p.

Nye J.S. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 207 p.

Nye J.S. 2011. *The Future of Power*. New York: Public Affairs. 300 p.

Ortiz F. 1995. *Cuban Counterpoint, Tobacco and Sugar*. Durham, NC: Duke Univ. Press. 394 p.

Redfield R., Linton R., Herskovits M.J. 1936. Memorandum for the Study of Acculturation // *American Anthropologist*. Vol. 38, № 1. P. 149–152.

Robertson R. 1990. Mapping the Global Condition: Globalization as the Central Concept // *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity: A Theory Culture and Society*. Special Issue / ed. by M. Featherstone. London: Sage. P. 15–30.

Thurnwald R. 1932. The Psychology of Acculturation // *American Anthropologist*. № 34. P. 557–569.

Wilkinson R., Pickett K. 2009. *The Spirit Level: Why Greater Equality Makes Societies Stronger*. New York: Bloomsbury Press. 345 p.

Ziff B., Rao P. V. 1997. Introduction to Cultural Appropriation: A Framework for Analysis // *Borrowed Power: Essays on Cultural Appropriation* / ed. by B. Ziff and P. V. Rao. New Brunswick, N.J.: Rutgers Univ. Press. P. 1–30.

References

Aalto N., Reuter E. (eds.). *Aspects of Intercultural Dialogue. Theory. Research. Applications*, Köln, Saxa, 2007, 380 p. (Text partly German and partly English).

Albrow M. *The global Age*, Stanford, Stanford Univ. Press, 1997, 246 p.

Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy, M. Featherstone (ed.) *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity: A Theory Culture and Society*. Special Iss., London, Sage, 1990, pp. 395–410.

Apresyan R.G. *Politicheskaya sotsiologiya nenasiliya* Dzh. Sharpa [Political sociology of non-violence by J. Sharp], *Sotsial'nye konflikty: Ekspertiza, prognozirovaniye, tekhnologiya razresheniya*, Moscow, 1995, iss. 8, pp. 234–246. (in Russ.).

Bennett M.J. A developmental Approach to Training for Intercultural Sensitivity, *Intercultural J. of Intercultural Relations*, 1986, no. 10 (2), pp. 179–196.

Bharati A. Indian Expatriates in North America and Neo-Hindu Movements, J.S. Yadava, G. Vinayshil (eds.) *The Communication of Ideas*, New Dehli, Concept Publishing Company, 1980, pp. 245–255.

Bharati A. The Hindu Renaissance and its Apologetic Patterns, *J. of Asian Studies*, 1970, vol. 29, no. 2, pp. 267–287. DOI: 10.2307/2942625.

Borup J. Zen and the Art of Inverting Orientalism: Religious Studies and Genealogical Networks, P. Antes, A.W. Geertz, and R.R. Warne (eds.) *New Approches to the Study of Religion*, Berlin, Verlag de Gruyter, 2004, vol. 1, pp. 451–487.

Chatfield C., Jlyuhina R.M. (resp. eds.) *Mir / Peace: Al'ternativy voyne ot antichnosti do kontsa Vtoroy mirovoy voyny: antologiya* [Peace / Peace: Alternatives to war from antiquity to the end of the Second World War. Anthology], Moscow, Nauka, 1993, 349 p. (in Russ.).

Corak M. Do Poor Children Become Poor Adults? Lessons from a Cross Country Comparison of Generational Earnings Mobility, J. Creedy, G. Kalb. *Dynamics of Inequality and Poverty*, Amsterdam et al., Elzevier, 2006, pp. 143–188. (Research on Economic Inequality, no. 13).

Corak M. *Inequality from Generation to Generation: The United States in Comparison*, Discussion Paper, Bonn, Germany, IZA, 2016, no. 9929, May, 16 p., available at: <http://ftp.iza.org/dp9929.pdf> (accessed October 10, 2018).

Gallaher C., Dahlman C.T., Gilmartin M., Mountz A., Shirlow P. *Key Concepts in Political Geography*, Los-Angeles, London, Sage, 2014, 392 p.

Giddens A. *The Consequences of Modernity*, Stanford, CA, Stanford Univ. Press, 1990, 195 p.

Hannerz U. *Transnational Connections*, London, Routledge, 1996, 290 p.

Krueger A.B. *The Rise and Consequences of Inequality in the United States*, Jan. 12, 2012, Center for American Progress, New York, 22 p., available at: <https://cdn.americanprogress.org/>

wp-content/uploads/events/2012/01/pdf/krueger.pdf (accessed October 10, 2018).

Kuznetsova T.F. Sotsiokul'turnye vzaimodeystviya i mezhkul'turnye kommunikatsii [Socio-cultural interactions and intercultural communications], *Filosofskie nauki*, 2003, no. 5, pp. 129–135. (in Russ.).

Mitnik P., Cumberworth E., Grusky D. Social Mobility in a High-Inequality Regime, *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2016, vol. 663 (1), pp. 140–184.

Nye J.S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power, New York, Basic Books, 1990, 307 p.

Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics, New York, Public Affairs, 2004, 207 p.

Nye J.S. The Future of Power, New York, Public Affairs, 2011, 300 p.

Ortiz F. Cuban Counterpoint, Tobacco and Sugar, Durham, NC, Duke Univ. Press, 1995, 394 p.

Redfield R., Linton R., Herskovits M.J. Memorandum for the Study of Acculturation, *American Anthropologist*, 1936, vol. 38, no. 1, pp. 149–152.

Robertson R. Mapping the Global Condition: Globalization as the Central Concept, M. Featherstone (ed.) *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity: A Theory Culture and Society. Special Iss.*, London, Sage, 1990, pp. 15–30.

Thurnwald R. The Psychology of Acculturation, *American Anthropologist*, 1932, no. 34, pp. 557–569.

Tsaturyan S.A. Nenasil'stvennaya revolyutsiya. Ot teorii k praktike: monogr. [Nonviolent revolution. From theory to practice: monograph], Moscow, Rossiyskiy universitet druzhby narodov, 2015, 280 p. (in Russ.).

Vshivtseva L.N. Nenasilie v kul'ture sovremennogo rossiyskogo obshchestva: diss. ... kand. filos. nauk [Non-violence in the culture of modern Russian society: dissertation], Stavropol, Stavropol'skiy gosudarstvennyy universitet, 2008, 158 p. (in Russ.).

Wilkinson R., Pickett K. The Spirit Level: Why Greater Equality Makes Societies Stronger, New York, Bloomsbury Press, 2009, 345 p.

Ziff B., Rao P.V. Introduction to Cultural Appropriation: A Framework for Analysis, B. Ziff, P. V. Rao (ed.) *Borrowed Power: Essays on Cultural Appropriation*, New Brunswick, N.J., Rutgers Univ. Press, 1997, pp. 1–30.

Mariam R. Arpentieva

Doctor of Psychology, Associate Professor,
Corresponding Member of the RANH,
Professor of the Department of Developmental Psychology and Education,
KSU named after K.E. Tsiolkovskiy,
Kaluga,
E-mail: mariam_rav@mail.ru

Irina V. Gorelova,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit,
Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa,
Volgograd,
E-mail: tonechka0606@yandex.ru

Margarita E. Kirichkova,

Postgraduate Student, Department of Social and Organizational Psychology,
KSU named after K.E. Tsiolkovskiy,
Kaluga,
General Director of Center for Professional Communications,
Moscow,
E-mail: margaritak05@mail.ru

Svetlana V. Braytseva,

Graduate Student of the Department
of Social and Organizational Work with Youth,
KSU named after K.E. Tsiolkovskiy,
Kaluga,
E-mail: assvet18@rambler.ru

**The Age of Mobility: the Problem of Violent
and Non-Violent Types of Intercultural Relations**

Abstract

The article is devoted to the study of problems of intercultural relations, including in the context of limiting the state “monopoly” to make vital decisions for people and nations for them and instead of them, relying only on their own interests and promoting violence as the only form of human relations. At the same time, attention was drawn to the fact that on the threshold of a Third World War, countries and communities are looking for non-violent or least destructive ways of survival and relationships. These include soft pow-

er migrations. Migration processes from the end of the twentieth century are all gaining intensity and diversity, along with them theories of migration and types of intercultural relations are multiplying. At the same time, different types of relationships are described by different theories of migration. It was concluded that a number of more or less overlapping and more or less non-violent types of intercultural relations can be distinguished. A typology of non-violent and violent multicultural relations has been built. As the foundations of the typology, the line of cultural “trans-geographic” orientations, and the line of modernization and merging of cultures and production are highlighted. It is noted that it is important to give communities the opportunity to negotiate within themselves and among themselves directly, without applying violent measures and taking up a policy of supporting transculturalism: accepting and harmonizing all possible and probable options for being. In the line of cultural “transgeographic” orientations, such types of relations as westernization or colonization (europeanization and americanization), asiaization, the existence and formation of “third cultures” and interaction with them are highlighted; along the lines of modernization and the merging of cultures and production – modernization, globalization as mondialization, and creolization / transculturalization.

Keywords:

westernization, asiaization, colonization, europeanization, americanization, glocalization, third cultures, modernization, globalization, mondialization, creolization, transculturalization.